УДК 81'272
ББК 81.0*О. Н. Иванищева*
г. Мурманск, Россия**Сохранение и ревитализация: к вопросу о соотношении понятий
«язык» и «культура» (на примере саамского языка и культуры)**

Статья посвящена рассмотрению соотношения языка и культуры на примере «умирающего» языка, показана важность учета шкалы знание-понимание в процессе сохранения и ревитализации саамского языка Кольского Севера.

Ключевые слова: язык, культура, саамский язык, ревитализация языка.

О. N. Ivanishcheva
Murmansk, Russia**Preservation and Revival: Language and Culture Correlation
(Case Study: Lappish Language and Culture)**

The article is devoted to the study of language and culture correlation illustrated by the example of a “dying” language. Special attention is paid to knowledge and understanding in the process of preservation and revival of the Lappish language of the Kola North.

Keywords: language, culture, Lappish Language, Language Revival.

Идея о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [7, с. 7], представляется в современной науке как никогда актуальной. Особенно важным этот подход видится при рассмотрении вопроса о соотношении языка и культуры.

Вопрос о соотношении языка и культуры не новый в истории лингвистики. Идеи об одностороннем воздействии культуры на язык или языка на культуру сменяются идеями о взаимосвязи и взаимодействии языка и культуры, их онтологического единства.

Взгляды В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа, А. А. Потебни и др. являются основой для современных представлений о языковой картине мира и национальной специфике языковых единиц, а в лингвистике всё больше сторонников завоёвывает мысль о рассмотрении языка как части культуры.

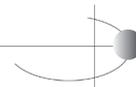
Понятие «культура» относится к разряду фундаментальных, исключительно важных, но терминологически неопределённых, широких, многозначных, т. е. таких, в которых каждый вкладывает свой смысл.

Культурологи разделяют понятие «культура» (как исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека) и понятие «национальная культура» (как совокупность традиций, обычаев, норм, ценностей и правил поведения, общих для представителей одной нации, государства), утверждая, однако, что «ничейной» культуры или «культуры вообще» в принципе быть не может [8, с. 205].

Таким образом, знание культуры предполагает принадлежность человека к данной нации. «Человеку должно быть неловко, если он не знает, кто такой Ломоносов, и не читал “Евгения Онегина”». По подобным признакам человек не может быть отнесен к русской культуре. Его считают либо иностранцем, либо невеждой» [13, с. 83].

Значение культуры для всестороннего понимания поведения человека, его психологии и языка больше не оспаривается современной наукой. Хотя в самом понимании этого слова многое неясно и спорно. Причина этого заключается в размытости самого объекта и в несовершенстве методов его исследования.

Как известно, не определено само содержание понятия «культура». Культурой традиционно называют то, что не относится к природе, а значит, здания, орудия, одежда, способы приготовления пищи, социальное взаимодействие, вербальная и невербальная коммуникация, воспитание детей, образование, религия, эстетические предпочтения, философия и многое другое [16, с. 32]. Компоненты культуры в связи с этим перечислить невозможно. Есть мнение, что под культурой «подразумевают очень широкий круг явлений, событий, признаков, предметов. Например, в рубрику «культура» включают такие слова, как *Волга, тайга, соболь, Урал, Транссибирская магистраль, леший, русалка, ковер-самолет, пятибалльная система, рубль, копейка, Правительство Российской Федерации, восстание декабристов, Отечественная война, свекровь, щи, осел, лиса, аэропорт Внуково, Чехов, картина Левитана «Март», Мамаево побоище, работать спустя рукава* и др. С лингвистической точки зрения слова, имеющие

эти референты, обоснованно зачисляются в ряд безэквивалентных, фоновых, коннотативных слов, фразеологизмов. С логической точки зрения такое пестрое соединение неубедительно: вводятся весьма разнородные дефиниции» [6, с. 125].

Из всего многообразия определений культуры нами используется понимание культуры, предложенное Ю. М. Лотманом, который рассматривает культуру как совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения [10, с. 395].

При рассмотрении взаимоотношения языка и культуры важным понятием является языковая картина мира.

Понятие «языковая картина мира» настолько часто обсуждается в современных работах по лингвистике, что, кажется, сказать что-то новое уже очень трудно. Вопрос состоит в том, как изучать языковую картину мира, как определять ее фрагменты. По мнению Т. В. Симашко, чтобы определить фрагмент языковой картины мира, вовсе не следует выходить за пределы языка, достаточно лишь найти способ выделения единиц, однородных с точки зрения связи с объектом, определить основания их объединения в классы и дать этому классу имя-метку, которое и будет, собственно, обозначать фрагмент языковой картины мира, потому что обнаружен в корпусе языка и выделен в нем. При этом языковую картину мира можно изучать, принимая в качестве центральной или коммуникативную, или кумулятивную функцию языка [19]. Такой взгляд на проблему дает перспективы совершенно иного направления в исследовании того представления о мире, которое создается языком. Действительно, делая акцент на коммуникативной функции языка, мы исходим из позиции человека «диалогизирующего», передающего информацию. Научная школа, возглавляемая Т. В. Симашко, руководствуется иным подходом – в качестве центральной функции исследования принимается кумулятивная функция, обеспечивающая накопление и сохранение вербализованного опыта духовной и материальной жизни народа.

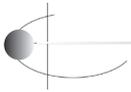
В отношении языков коренных малочисленных народов Севера, «умирающих» языков, ориентация на кумулятивную функцию языка представляется более перспективной. В ситуации, когда естественная передача, например, самского языка имеет тенденцию к исчезновению, для лингвиста важно заметить жизненно важную функцию языка – функцию накопления знаний и культурного опыта народа, который является носителем этого языка. Такая позиция позволит не только оставить для поколений то культурное богатство, которое накопил язык, но и во многом понять психологию народа, а значит, разработать верную стратегию его ревитализации.

С нашей точки зрения, понятия «сохранение» и «ревитализация» находятся в отношении пересекающихся множеств. Чтобы сохранить язык, необходимо его записывать, собирать о нём информацию, классифицировать и в конечном итоге знать, передавать *от носителей культуры к не-носителям культуры*. Чтобы его ревитализировать, то есть оживить, необходимо его знать и передавать *от поколения к поколению носителей культуры*, а значит, перейти из стадии *знания* в стадию *понимания*.

Разница между «понимать» и «знать», а значит, изучать, с нашей точки зрения, существенна. «Одно дело – изучать, другое – понимать», – замечал М. И. Стеблин-Каменский, говоря о мифе [15, с. 225]. Действительно, понимать – значит воспринимать как есть, сразу, в целостности, без анализа и расчленения. «Понять – значит обрести знание. Такое знание, которое отражает суть вещей, соединяет нечто ранее известное с уже известным, превращает ранее разрозненное в систему» [1, с. 25]. Знать и изучать – это пытаться постигнуть постепенно, поэтапно, сравнивая и анализируя.

Трудности изучения связаны ещё и с тем, что исследователь – представитель одной культуры. Это «мешает» изучению собственной и чужой культуры, так как трудно принять позицию внешнего наблюдателя. Существует опасность, что собственная культура окажется основой для сравнения. Кроме того, поскольку мы мыслим посредством культуры, осознать собственную культуру также достаточно сложно. Культура устанавливает рамки восприятия при определении значимого, актуального и существенного [12, с. 110]. В разных культурах в одни и те же понятия подчас вкладывается разный смысл. Так, семья для китайцев – это «счастье, гармония», а деньги – «важные, больше, мало, хорошие, драгоценные» [2], а для русских деньги, по словам Т. Толстой, «зло, но зло – вождённое», а семья играет для разных поколений объединяющую роль [14, с. 107–109; 260–263].

Понятие «понимание» многогранно. В. В. Знаков, в частности, говорит о двух подходах к его содержанию: познавательный (гносеологический) и историко-культурный (герменевтический). В теории познания понимание анализируется как одна из процедур человеческого познания, а в герменевтике – как «вживание»: постижение человеком мыслей и чувств других людей (предыдущих поколений и современников), воплощенных в текстах, картинах, архитектурных сооружениях и других культурно-исторических памятниках. Во второй половине XX в. понимание стало интерпретироваться более широко: как универсальная психическая способность и даже как способ бытия человека в мире [5, с. 10].

В литературе указывается на диалектическую связь понимания и знания. Предполагается, что понимание представляет собой некоторую форму «знания о знании», результат знания о знании. Знание можно представить и как определённый продукт познавательной деятельности, и как результат понимания. Если знание характеризует определённое отношение к объекту, то понимание выражает знание о нём. При этом само знание также нуждается в понимании. Общеизвестно, что понимание достигается только на базе знаний и умений, уже добытых в предшествующем опыте.

Предметом понимания, по мнению ученых, является не только уже отражённое в опыте человека, но и ещё непознанное, новое. Когнитивная психология трактует понимание как объединённый продукт входной информации и предыдущего знания [5, с. 18–19].

Между тем исследования показывают, что понимание не следует отождествлять со знанием, поскольку возможно знание без понимания и понимание без знания.

За словом у носителя языка «скрывается» многое: ассоциации социальные и индивидуальные, детские и взрослые, бытовые и литературные. Д. А. Гранин точно описал разницу в представлениях людей разных поколений в книге «Керогаз и все другие. Ленинградский каталог»: «*Спросите, например, про гамаши. Мало кто знает и объяснит, что это такое, их давно не носят. А носили на ботинках и туфлях, прикрывая ими шнуровку. Зачем нужны были гамаши, этого в точности мы сами не помним, поскольку мы были тогда детьми и гамаши видели на ногах у взрослых*» [3, с. 9]. Элементы материальной культуры иногда заключают в себе для носителя языка нечто большее, чем это кажется на первый взгляд. Стул для представителя европейской культуры является просто мебелью, то, на чём можно сидеть, а в африканских племенах стул считается неотъемлемой частью души вождя [17, с. 288].

Неадекватное восприятие значения слова приведет к неправильному пониманию всего текста [11, с. 221–223]. А если учесть один из важных современных подходов к трактовке значения слова, который А. А. Залевская называет его ситуативным [4, с. 114–117], то его восприятие часто предусматривает выход на уровень структур знания о мире (энциклопедического знания) и акцентирование внимания на образе мира. Коммуникация, по мнению А. А. Леонтьева, – это «способ внесения той или иной коррекции в образ мира собеседника», а значит, усвоение нового языка – это «переход на новый образ мира, необходимый для взаимопонимания и сотрудничества с носителями этого другого языка и другой культуры» [10, с. 272]. Таким образом, понимание слова, его значения важно в том смысле, что оно обеспечивает

адекватность восприятия речи/текста для носителя и не-носителя языка.

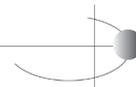
Таким образом, сохранение и ревитализация языка коренного малочисленного народа требует особого подхода к фиксации его культурного опыта, того, что в лингвистике иногда называют фоновыми знаниями носителя языка. Обращаясь к фоновым знаниям, исследователь не только сохраняет язык и культуру, но в каком-то смысле и сам этнос.

Язык каждого народа, по мнению составителей Красной книги языков народов земли, этносоциолингвистической энциклопедии, является не только культурным, но и природным наследием всего человечества, позволяющим на основе сравнения всех уровней языковой структуры каждого языка выявить универсальные свойства человеческой речи, позволившие человеку выделиться в *homo sapiens* из живой природы. Вот почему все разговоры о том, что процесс умирания языков якобы носит «естественный характер» и что ему не надо препятствовать, обнаруживают попытку обоснования идеологии лингвоцида и этноцида [18, с. 7].

Рассмотрим на примерах близость языка и культуры в таком языке коренного малочисленного народа Севера, как саамский.

Саами являются самой многочисленной группой коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Мурманской области: по данным, представленным на сайте Правительства Мурманской области, в 2005 г. их количество составляло 1791 человек [20]. В настоящее время саамский язык подразделяется на 10 диалектных групп и диалектов, а также ряд более мелких языковых единиц – говоров. 4 диалекта саамского языка представлены на территории Российской Федерации — Кольского полуострова, среди которых кильдинский диалект – самый распространённый.

Как показали полевые исследования кильдинского диалекта саамского языка, проводимые с 2008 г. участниками Лаборатории саамского языка Мурманского государственного гуманитарного университета (руководитель – доктор филологических наук О. Н. Иванищева), среди названий особей оленя в кильдинском диалекте саамского языка от рождения до года не обнаружены названия мертворожденных телят или телят с испорченной шкуркой, но факт отсутствия таких лексем, возможно, связан с тем, что такие шкуры не имеют практической ценности. Анализ половозрастной группы оленеводческой терминологии кильдинского диалекта саамского языка, проведённый участником Лаборатории А. М. Бутылёвой, показал, что признак наличия (отсутствия) рогов актуален как для названий самцов, так и самок северного оленя. Данный

факт, возможно, связан с тем, что северный олень как вид является единственным представителем семейства, у которого особи обоих полов имеют рога, которые ежегодно сбрасываются. При этом самцы сбрасывают рога после гона (в ноябре), а самки – после отела (в мае), чтобы иметь возможность защититься в зимнее время. Окостеневшие рога северного оленя имели у саамов достаточно широкое практическое применение. Признак способности (неспособности) к воспроизводству актуален для названий самцов ввиду необходимости определения их хозяйственного назначения – в оленьем транспорте используются только особи, неспособные приносить потомство.

Язык – несомненно часть культуры, но их соотношение намного сложнее, чем может показать-

ся на первый взгляд. Отражая действительность, язык преломляет её с точки зрения потребности человеческого бытия, позволяет сохранить совокупность ненаследственной информации. Культуру можно сохранить, язык как часть культуры можно ревитализировать. Примеры такой ревитализации саамских диалектов находим в скандинавских странах. Важно, чтобы ревитализация языка не осталась искусственным «впрыскиванием» понятий почти утерянной культуры в менталитет современного человека. Необходимо, чтобы стадия *знать* переходила в стадию *понимать*, а значит, язык был и оставался частью культуры, жизни данного этноса, то есть жил обычной жизнью: старые понятия вместе с обозначающими их словами умирали, новые появлялись.

Список литературы

1. Брудный А. А. Психологическая герменевтика: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и испр. М.: Лабиринт, 1998. 332 с.
2. Ван Эрдон. Специфика языкового сознания русских и китайцев: (гендерный анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19. М., 2000. 24 с.
3. Гранин Д. А. Керогаз и все другие. Ленинградский каталог. Центрполиграф, 2003. 126 с.
4. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2000. 381 с.
5. Знаков В. В. Понимание в познании и общении: 3-е изд. Самара: СамГПУ, 2001. 196 с.
6. Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е. Г. Борисова и Ю. С. Мартемьянов. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 200 с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002. 261 с.
8. Культурология: XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с.
9. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: 3-е изд. М.; СПб., Лань, 2003. 285 с.
10. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 703 с.
11. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. 319 с.
12. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003. 717 с.
13. Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение: 2-е изд. М.: Добросвет, 2000. 286 с.
14. Сергеева А. В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2004. 313 с.
15. Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. СПб.: Филол. фак СПбГУ, 2003. 925 с.
16. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учеб. для студентов. Екатеринбург: Деловая кн.; М.: Ин-т психологии : Акад. проект, 2000. 320 с.
17. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов: [Бесконеч. процесс узнавания своих и чужих смыслов, скрытых за различ. формами, знаками, словами]. М.: АСТ; Харьков: Торгсин, 2001. 591 с.
18. Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 2002. 378 с.
19. Языковая картина мира в кумулятивном аспекте: монография / Т. В. Симашко, Т. С. Нифанова, А. Г. Бондарева и др.; Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск: Поморский университет, 2006. 185 с.
20. URL: <http://www.gov-murman.ru/natpers/info/population/> (дата обращения 21.01.2011).

Рукопись поступила в редакцию 06. 04. 2011.